

Российская академия наук  
Уральское отделение  
Коми научный центр  
Институт языка, литературы и истории

## **ДИНАМИКА СТРУКТУР ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ**

ООО «Издательство «Кола»  
Сыктывкар  
2011

УДК 811.511.1  
ББК 81.2(=660/=665)  
Д 46

**Д 46    Динамика структур финно-угорских языков:** Сборник научных статей на материалах Всероссийской финно-угорской языковедческой конференции, посвященной юбилеям двух видных коми финно-угроведов, 70-летию профессора Евгения Александровича Игушева и 60-летию председателя Комитета финно-угроведов Российской Федерации Анатолия Николаевича Ракина (11–12 ноября 2009 г., г. Сыктывкар). – Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2011. – 304 с.

Сборник, посвященный юбилеям двух видных коми финно-угроведов, 70-летию профессора Евгения Александровича Игушева и 60-летию Анатолия Николаевича Ракина, составлен в целом на основе докладов, прочитанных на Всероссийской финно-угорской языковедческой конференции «Динамика структур финно-угорских языков», проходившей в г. Сыктывкаре 11–12 ноября 2009 г. Тексты выступлений в абсолютном большинстве связаны с выявлением и исследованием диахронных изменений в системах финно-угорских языков на различных языковых уровнях.

Предназначается для научных работников, аспирантов, преподавателей и студентов вузов, учителей средних школ всех республик и регионов, где проживают финно-угорские народы Российской Федерации, а также для всех тех, кому интересны живые финно-угорские языки.

УДК 811.511.1  
ISBN 978-5-498-00015-2                      ББК 81.2(=660/=665)

Редакционная коллегия:  
А.Г.Мусанов, кандидат филол. наук, с.н.с.  
Г.А.Некрасова, кандидат филол. наук, с.н.с.  
Е.Н.Федосеева, кандидат филол. наук, н.с.  
Е.А.Цыпанов, доктор филол. наук, доцент  
(ответственный редактор)

Издание сборника осуществлено за счёт финансовой помощи  
Министерства национальной политики Республики Коми

© Коллектив авторов, 2011  
© ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2011  
ISBN 978-5-498-00015-2                      © ООО «Издательство «Кола», 2011

*Карпова Л. Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка. Образцы речи. – Ижевск, 2005.

*Кельмаков В. К.* Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. – Ижевск, 1981.

*Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. – Ижевск, 1998.

*Тепляшина Т. И.* Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1970. Вып. 21: Филология. – С. 156–196.

*Тепляшина Т. И.* Язык бесермян. – М., 1970а.

**В. К. Кельмаков (Ижевск)**

## **Новая жизнь устаревших слов**

(«Собирали ученые слова...»)

0.1. «Собирает человек слова...» – так называется научно-популярная книга для детей, написанная неким Порудоминским и посвященная описанию жизненного пути и творческой деятельности В. И. Даля. Не стремясь ставить на одну доску русского филолога XIX в., с одной стороны, и наших юбиляров – моих коми друзей и коллег – Евгения Александровича Игушева и Анатолия Николаевича Ракина, – с другой, все же подзаголовком статьи, составленного мной путем перефразирования названия вышеназванной книги, я бы хотел подчеркнуть одну из важнейших сторон творческой деятельности их – из самых различных источников собирать коми (и не только!) слова и исследовать их с многообразных позиций: лексикографических, функциональных, стилистических, этимологических, исторических...

Именно эта сторона их деятельности, как мне показалось, объединяет этих двух языковедов: разных возрастом и отличающихся друг от друга по тематическому кругу своих интересов в области коми филологии, пермистики и финно-угроведения. С учетом именно этой стороны их лингвистической деятельности я и выбрал тему для статьи в качестве духовного подарка юбилярам – коми лингвистам. Если она придется им по душе, я буду считать свою работу удавшейся.

0.2. Использование устаревших слов, давно вышедших из употребления и сохранившихся лишь в «запыленных» памятниках ранней письменности – это один из важнейших путей обогащения и развития лексики кодифицированной формы любого языка на различных этапах его развития. Сложную и многотрудную историю возврата уже вышедших из употребления архаизмов в современный удмуртский литературный язык можно проследить на истории, к примеру, трех терминов.

### 1. кандэлем/канделем ‘свидетель’

В современном литературном языке этот юридический термин имеет несколько синонимов:

*ад́жись* букв. ‘видящий’ (*Мултанъёс монэ ад́жисе, гожтӱллям вылэм но, малы ке оз оте* (Петров, 276). ‘Мултанцы записали, оказывается, меня в свидетели, однако почему-то не пригласили’. – *Тӱ уд на тодӱське-а выль иворез? Туннэ Беляевез судить каризы! Монэ но ад́жисе отъылӱзы* (Красильников, 50). – Вы еще не знаете новость? Сегодня Беляева засудили. И меня вызывали в качестве свидетеля’. *Егор Павловичлэн йыркуро вожпотонэз ад́жисьёс пумитэ берытскиз пунэмзэ берыктонэн* (Веретенников, 32). ‘Гневная злость Егора Павловича на свидетелей обернулась мстью против них’);

*кылӱсь-ад́жись* букв. ‘слушающий-видящий’ (*Жоген насъкыт ос волак усьтӱськиз, капкачиос вискытӱ сцена доры вамыштӱз нырысетӱ кылӱсь-ад́жись, «Советской Удмуртия» редакциын азьло ужась Туганов Георгий* (Афонин, 200). ‘Вскоре двери открылись настезь, мимо охранников у дверей прошагал к сцене первый свидетель, бывший работник редакции [газеты] «Советской Удмуртия» Туганов Георгий’). Компоненты данного сложного слова могут не только дублировать служебные морфемы, но и быть разъединенными в самостоятельные единицы посредством повторяющихся служебных частей речи, в имеющемся в моем распоряжении примере – союза *но* ‘и’: *Кызьы Егор Павлович пумитаз, кӱче учыре шедьылэм муми – кылӱсьёс-ад́жисьёс бырымтэ вылэм* (Веретенников, 22). ‘В свидетелях (букв. ‘слушающих, видящих’) того, как встретил мою мать Егор Павлович, в какой переплет она попала, не было недостатка’. – *Эн дырты, пень кудыын арёсын пукод ай: луозы тыныд кылӱсьёс но, ад́жисьёс но* (Афонин, 38). ‘– Не спеши, посидишь еще в нужде годами: будут тебе свидетели (букв. ‘и слышащие, и видящие’))’;

*син-пель* букв. ‘глаз-ухо, глаза-уши’ (– *Соос тодӱзы ке, татчы но вуозы ведь, Бажутин эш. Гуртын син-пель трос, – валэктӱз*

Микол (Лямин, 93). ‘— Если они узнают, ведь и сюда придут, товарищ Бажутин. В деревне свидетелей много, — объяснил Микол’);

*свидетель* (Обвинительной актэз лыдžем бере, **свидетельёсты** но экспертёсты присяга сётыто (Петров, 247). ‘После прочтения обвинительного акта свидетелей и экспертов приводят к присяге’. — *Господин председатель! — шуиз Карабчевский, быдэс мугорыныз судья пала сётскыса, — Кин право сётїз господин обвинительлы сви-детельёсты сокем сантэманы?* (Петров, 333) ‘— Господин председатель! — сказал Карабчевский, подавшись всем корпусом в сторону судьи, — Кто дал право господину обвинителю до такой степени оскорблять свидетелей?’);

*танькчи* диал. (<...> **танькчиослэн** кудйосыз вераллям: со суббота уг кары шўиллям <...> (Священная История, 135) ‘Некоторые из свидетелей сообщили: он не отмечает субботу, сказали’).

Из пяти представленных синонимов три (*адžись, кылїсь-адžись, син-пель*) являются собственно удмуртскими, остальные два — заимствованные: из русского языка (*свидетель*) и татарского (*танькчи*); из них наиболее употребительны были, пожалуй, слова *свидетель* и *адžись*. Однако существует и шестой синоним, более ранний по своему происхождению и до последних десятилетий почти позабытый — *канделем/кандэлем*.

Первое упоминание этого слова находим в грамматике удмуртского языка 1775 г. в двух фонетических вариантах: *канделём* ‘свидѣтель’ (Сочинения 1775: 160 и *конделём*: *конделём луисько* ‘свидѣтельствую’ (Сочинения 1775: 101). В начале XIX в. оно, по всей вероятности, имело еще живое употребление, о чем свидетельствует азбука 1847 г. на сарапульском диалекте (употреблено в двух орфографических вариантах):

*кэмдэлэ* (*Даурэ эрекцяса вылазъ вераса кэмдэлэ энъ-лу адямилы* ‘Не послушествоуй на друга твоего свидѣтельства ложна’ (Азбука Сар., 50));

*кемдэлэ* (*Угъ косъ Инмаръ судъ каронъ дыръя кин-кё вылэ эрекцяськыса даурэ кемдэлэ луны* <...> ‘Запрещает ложно свидѣтельствовать противъ кого нибудь въ судѣ <...>’ (Азбука Сар., 183)).

В различных фонетических или орфографических вариантах и с частичной ссылкой на Азбуку, это слово было включено в словари Ф. Й. Видеманна (*kangelem* ‘Zeuge’, *kangelematyny* ‘bezeugen’ (Wied., 483) и Б. Мункачи (*kangelem* (csuv. Vnyt., 365) *tanú* | ‘zeuge’ Wied.; *kangelemat-* *tanúbizonyságot tenni* | ‘bezeugen’ Wied. (Munk., 120);

*kemdel'e* (кэмдэле Sar. Azb., 50., *кэмдэле* и. а. 182, 183 (csuv. Vnyt., 365) *tanú* (свидѣтель) | *zeuge* [Munk., 144]). Но венгерскому ученому в конце XIX века в исследуемых им диалектах зафиксировать это слово в живом бытовании уже не удалось; об этом же писал в 1903 г. и Ю. Вихманн, указывая при этом еще и на относительно поздний характер заимствования его из болгарского языка: *wotj. S. (Azb.) kemdel'e*, Gr. 1775 *kandelem*, Wied. *kangelem* 'zeuge', *kangelematyny* 'bezeugen' < *tschuw. Zol. kündelāñ, kündelāgāñ, Ahlqv. küldelä'ñ* 'zeuge' и др. «Удмуртское слово в современном народном языке уже не встречается. Во всяком случае, как свидетельствует сочетание согласных *-nd-* (*-md-*, *-ng-*), является относительно молодым заимствованием» (Wichmann 1903: 71).

В конце XX – начале XXI столетия это слово пережило второе рождение: оно было возвращено в язык в своем первичном значении 'свидетель', правда, в двух приносительных вариантах: (1) *кандэлем* (Бюллетень 1998: 44; *диал. УКШГК* 2002: 163) и (2) *канделем* (*уст. УРС* 1983: 183; *УРС* 2008: 278); *nyj. tanú* (UMSz. 2002: 165).

Оно нашло употребление также в художественных произведениях, как прозаических, так и поэтических.

Пр о з а: *Кабыл каремдэ уг возъмаськы, маид вань – син азям сэртты-пертчы, канделемъестэ возъматы* (Афонин, 38). 'Я не жду твоего прощения, что у тебя имеется – разбери на моих глазах, представь своих свидетелей'; – *Шедьтэм маин курдатыны! Уголовной ужез эскерон нуналозь вуом канделемъёслэсь лыдзэс кык-куинь пол будэтыны* (Афонин, 167). '– Нашел чем пугать! До дня рассмотрения уголовного дела успеем [еще] увеличить количество свидетелей вдвое-втрое'. *Судын канделем луыны но капчи вылымтэ...* (Афонин, 200). 'Быть даже свидетелем в суде, оказывается, нелегко...'

П о э з и я: *Нош тазы-а со вал? – Мон ой лу канделем* (Сабигов Ук., 13). 'А так ли то было? – Не я был свидетелем'.

## 2. кат 'закон'

Данный юридический термин, в отличие от предыдущего, имеет, хотя и древние, но лишь единичные корни – из известных мне ранних документов удалось найти его лишь в составе композит в словаре Захарии Кротова: *вужкатъ* 'законъ' (Кротовъ 1785: 33); *уважкалакатъ* 'духовная, грамота владетельная', *уважкалакатъ кадь звыль* 'неправильно' (Кротовъ 1785: 230).

К этому слову удмуртские лингвисты присмотрелись лишь два с лишним столетия спустя – в 90-е гг. XX в. – в связи с наступлением современного этапа «обновления» удмуртского языка. В словах *вуж-катъ* и *уважкалакатъ* определители *вуж-* ‘старый’ и *уважкала-* ‘старинный, древний’, являлись, пожалуй, весьма важным компонентом в формировании семантики рассматриваемых сложных слов: *вужкатъ* ‘старый *кат*’, т. е. ‘старое – освященное временем – письмо, предписание, грамота’ и *уважкалакатъ* ‘старинный *кат*’, т. е. ‘старинное – освященное древностью – письмо, предписание, грамота’. Однако при использовании этих слов в изменившихся условиях определители стали несколько обременительными, и посредством их усечения было образовано новое слово – *кат* ‘закон’: ведь закон может быть и **старым** (*вуж вужкат*, букв. ‘старый *старый кат*’; *вуж уважкалакатъ*, букв. ‘старый *древний кат*’), и **новым** (*выль вужкат*, букв. ‘новый *старый кат*’; *выль уважкалакатъ*, букв. ‘новый *древний кат*’), и сохранение компонентов *вуж-* и *уважкала-* создало бы определенные трудности в использовании слова.

Правда, при этом создалась не совсем уютная ассоциация с русским устаревшим словом *кат* ‘палач’, и на это не преминули указать ярые противники «обновления» языка, хотя удмуртский архаизм/неологизм *кат* ‘закон’ не имеет никакого отношения к русскому *кат*. Удмуртское слово, по всей вероятности, восходит через татарское посредство (*хат* ‘письмо’ (ТРС 1966: 611)) к арабскому *ḥaṭṭ* ‘письмо, грамота’, ср.: чаг. и т. д. *ḫat* ‘письмо, грамота’, вост.-туркест. *gōsa ḫat* ‘официальное уведомление’, казах. и др. *kat* ‘письмо, рукопись’, карач. *ḫatt*, чув. *ḫot*, *ḫut* ‘бумага’ (Räsänen 1969: 157).

Впервые слово *кат* и некоторые производные от него начали употребляться в современном языке после того, как они были включены в бюллетень 1998 г. (*кат* ‘закон’, *кат мылкыдаськонъёс* ‘законные интересы’, *кат кылдытйсь торлык* ‘законодательная власть’, *катрадлык* ‘законодательство’ (Бюллетень 1998: 27)). Далее они фиксировались орфографическим словарем 2002 г. (УКШГК 2002: 166), в наиболее полном составе – новым удмуртско-русским словарем: *кат* юр. ‘закон; документ, содержащий законы || законный’; *кат мылкыдъяськонъёс* ‘законные интересы’; *кат сузьет* ‘свод законов’, *катэз тйяны* ‘преступить закон’; *федерал катъёс* ‘федеральные законы’; *катлык* ‘законность’; *нимаз учыръёсы катлык тйяське* ‘в некоторых случаях законность нарушается’; *катлыко* ‘законный’; *катрадлык* офиц. ‘законодательство’; *катрадлыкез тйян* ‘нарушение законо-

дательства'; *катрадлыко* 'законный; законодательный' (УРС 2008: 285); *кункат* 'конституция' [УРС 2008: 352] и др. Данная лексема и некоторые ее производные включены также в удмуртско-венгерский и удмуртско-финский словари последних лет: *кат* 'törvény; rendelet', *кат кылдытись торлык пуј.* 'törvényhozó hatalom', *кат кылдытон* 'törvényhozás' и др.; *кункат* пуј. 'alkotmány, alaptörvény' (UMSz. 2002: 171, 222); *кат* 'laki' (наряду с *закон*), *кункат* 'perustuslaki' (наряду с *конституци(я)*) (USS 2008: 190, 237).

Среди текстов, где *кат* и его производные наиболее часты, – это в первую очередь перевод Конституции Удмуртской Республики на удмуртский язык, напр.: *Россия Федерациен но Удмурт Элькунэн валче быдэсьяно ужпумъёс радъясько федерал катъёсья но соослэн инъетсы вылын – Удмурт Элькунэн катрадлыкезъя* (КУР/УЭК., 42). 'Вопросы, относящиеся к совместному ведению Российской Федерации и Удмуртской Республики, регулируются федеральными законами и на их основе – законодательством Удмуртской Республики' (КУР/УЭК., 6). *Россия Федерацилэн Кункатэз, федераци катъёс, Удмурт Элькунэн Кункатэз но Удмурт Элькунэн катъёсыз Удмурт Элькунэн улосвылаз кун ласянь утемьин луыны кулэ* (КУР/УЭК., 42). 'Конституция Российской Федерации, федеральные законы, Конституция Удмуртской Республики и законы Удмуртской Республики подлежат государственной защите на территории Удмуртской Республики' (КУР/УЭК., 6). И т. д.

Что касается художественных текстов, то в изданиях до 90-х гг. XX в. использовалось исключительно слово *закон*, ср.: *Котькөн лядъы но законлэсь вылэ уд тэтчы. Закон со – мумыкор!* (Петров, 56). 'Сколько ни читай, но выше закона не прыгнешь. Закон – это матица!' *Староста Пужей Микта, котьку законъя лэсьтыны тыршемзэ возматэм карыса, лад-лад шуэ: «Эн дыртэ, воргоронъёс, эн дыртэ, кызы закон косоз, озы луоз»* (Архипов, 31) 'Староста Пужей Микта, стремясь показать законность всех своих поступков, веско заявляет: «Не спешите, мужики, не спешите, как предписывает закон, так и будет»'. *Машалэн верам кылыз – закон. Вераз бере, мынытэк кызы чидалод* (Загребин, 34). 'Машины слова – закон. Раз она сказала, как не пойдешь'. И др.

В изданиях же последнего времени *закон* и *кат* имеют параллельное употребление как в прозе, так и поэзии.

Пр о з а: *Кузё вераз бере, мукетъёсызлы со закон* (Грязев, 170) 'Коли хозяин сказал, для других это закон'. *Но верам кыл – со за-*



**кон** овол на (Грязев, 234) 'Но устное слово – это еще не закон'. *Ордер вылэ гожтйськоно луод, закон куре озьы...* (Афонин, 16). 'На ордере придется тебе подписаться, этого требует закон...' – *Музьем яке корка кузё кылзйськемысь медаз дугдэ шуыса, эксэйлы нимысь-тыз кат кутыны чектйз* (Афонин, 16). 'Чтобы владделец земли или хозяин дома не переставали быть послушными, [Мо Цзы] предложил царю принять специальный закон'. *Одйг лек, керзег эксэй таёе кат гожтэм: вань пересъёсты быдтоно!* (Кырзась песьтэр, 12). 'Один злой, сердитый царь установил такой закон: всех стариков умертвить!'

П о э з и я: *Юрттоз ке но тыныд гожтэм закон – Оскы юнгес чылкыт сюлэмедлы!* (Сабитов Яр., 20). 'Если даже и поможет тебе писанный закон – Сильней надейся на чистоту своего сердца'. *Сюлэм-лэн нош аслаз законэз – Ортчемзэ со мална на ялан* (Байтеряков, 205). 'У сердца же свой закон – Постоянно думает о прошедшем'.  $\longleftrightarrow$  *Та дуннеын, Та улонын Ас катызъя ваньмыз улэ* (Леонтьев, 129). 'В этом мире, в этой жизни, по своим законам все живет'.

В этом ряду интересное исключение составляют переводы стихов ранних венгерских поэтов (XVI–XIX вв.) на удмуртский язык, осуществленные В. П. Михайловым и опубликованные в сборнике «Дунай тулкымъёс – Кам ярдурин» (Ижевск, 1997), в которых употреблена, как правило, старая форма этого слова – *вужкат*: *Возьыт узыр муртёс понна мыным. Соос Вунэтйзы, азьвыл кыёе вал вужкатёс* (Борнемиса П. – В. Михайлов // Дунай тулкымъёс, 24). 'Мне известно за богачей. Они забыли те законы, что были прежде' (здесь и далее буквальный обратный перевод мой. – В. К.). *Но усточи куж-могес вакытлэсь Шуылз со: «Тон овол, мон тыныд возьмат вужкатме»* (Казинци Ф. – В. Михайлов // Дунай тулкымъёс, 26). 'Но мастер сильнее времени. Он говорил: «Не ты, а я установлю закон»'. *Мон адзисько, мон шодйсько созэ но: Асьме кунын вордско ини каллен Дельфи туноослэн тодонёссы но Даур визьлэн дано вужкатёсиз* (Бержени Д. – В. Михайлов // Дунай тулкымъёс, 26). 'Я вижу, чувствую и то: в державе нашей вновь возрождаются знания оракулов Дельфийских и славные законы древнего разума'. *Улон сыёе ни кылдытэм вужкат*: *Нырысь кынтэ, нош собере ёушка* (М. Вөрöшмартй – В. Михайлов // Дунай тулкымъёс, 45). 'Такой закон сотворила жизнь: Сперва остудит, а потом сожжет'. И др.

Поскольку в этих произведениях речь идет о древних – возможно, неписанных – правилах, установлениях, законах, то и употребление

более старого удмуртского термина *вужкат*, наверно, вполне оправдано; к тому же этот двусложный термин весьма легко укладывается в ритмику переводов. Однако мною зафиксирован случай, когда ритмика стиха потребовала односложного слова, тот же самый автор в тех же самых условиях пользовался усеченным вариантом слова – *кат*: *Куанер муртэ оз сантэмалля кат, Вордске, будэ вал адями огкадь<...>* (Чоконан В. М. – В. Михайлов // Дунай тулкымъёс, 26). ‘Бедняка не унижал закон, рождался и жил равноправным человек’.

### 3. *тӧлно* ‘парус’

Это слово имеет скорее поэтический, нежели технический (судоостроительный) характер. Удмурты, не имея выхода к особо крупным судоходным водным просторам, едва ли широко пользовались парусными судами.

Но тем не менее это слово загадочного происхождения было зафиксировано в конце XVIII в.: *тылпӧ* ‘парусы, парусь’ (Кротовъ 1785: 225), отсюда оно перешло в словарь Ф. Й. Видеманна (*tylpo* ‘Segel’ (Wied., 544)), у последнего заимствовал Б. Мункачи (*tilpo* ‘vitorla’ | ‘segel’. Wied. – / ? *tol-pu* / (Munk., 355)).

Устаревшее слово *тылно* было реанимировано в удмуртской филологии в конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. и вошло в активный оборот: 1) совместно с производным и с пометой *диал.* было включено в словарь 1983 г. (*тылно* диал. ‘парус’, *тылповень* диал. ‘шорная игла’ (УРС 1983: 433)); 2) была организована серийная молодежная радиопередача под названием «Чагыр тылно» (→ «Чагыр тӧлно») ‘Голубой парус’. По-видимому, составителями этой передачи *тылно* (*тыл* ‘огонь’ + ? *-но*) ассоциативно было преобразовано в *тӧлно* (*тӧл* ‘ветер’ + ? *-но*), с неизвестным *-но*. В этом же направлении в попытке определить происхождение данного слова двигался в свое время и Б. Мункачи, увязавший элемент *тыл-* с *тӧл* ‘ветер’, а компонент *-но* с *пу* ‘дрова, древесина’: ? *tol-pu* (Munk. 355). Далее искомое слово во всех этих трех вариантах и нашло отражение в новейшем словаре удмуртского языка: 1) первичный фонетический вариант почему-то с пометой *диал.*: *тылно* диал. ‘парус’ (УРС 2008: 668)); 2) преобразованный вариант *тӧлно* 1. ‘парус’; *чагыр тӧлно* ‘голубой парус’; 2. ‘парусник (лодка)’ (УРС 2008: 652) и 3) гипотетический конструктор Б. Мункачи как реально существующая лексема (*тӧлпу* см. *тӧлно* (УРС 2008: 652)). Оба из удмуртско-финно-угорских словарей отме-

чают это слово, однако неидентично: удмуртско-венгерский дает первичный вариант *тылно* с пометой *диал.* как 'парус' (*тылно* пуј. vitorla (UMSz. 2002: 428)), а вторичные формы *толно* или *толну* – как 'парусник' (*толно* в. *толну* vitorlás hajú (UMSz. 2002: 428)); удмуртско-финский включает лишь первичный вариант с пометой *диал.* (*тылно* мурт. 'purje' (USS 2008: 495) наряду с *парус*). В данной ситуации меня все же смущает то, что архаизм *тылно* и/или его варианты, как и *кандэлем*, в определенных источниках поданы не с пометами *устаревшее* или *из памятников письменности*, а с пометой *диал.*, хотя ни в одном из диалектов в живом бытовании они не были зафиксированы.

В современном литературном языке *толно* употребляется, наряду со словом *парус*, как в прозаических текстах, так и стихах.

Пр о з а: *Паськыт тыметлэсь чылкыт лыз вузэ вандыса мынэ парус* (Самсонов, 137). 'Раздвигая чистую голубую гладь широкого пруда, движется парус'.  $\Leftrightarrow$  *Пияш соку копак вуж но сурыкчем толноё корабльэн капитанэзлы йбырттыса вазиськиз <...>* (Кырзась песьтэр, 38). 'Тогда парень, поклонившись капитану корабля под совсем старым и обтрепанным парусом, произнес'.

П о э з и я: *Лыктэ, лыктэ ни тон доры Тодьы корабль льоль парусэн* (Васильев, 133). 'Плывет, плывет уже к тебе белый корабль под алым парусом'. *Уйвотам адзылэм парусэ Лопыръя на Тодьы бурдбёссэ* (Байтеряков, 267). 'Приснившийся ночью мне парус развевает еще свои белые крылья'  $\Leftrightarrow$  – *Кытчы котьку но дыртиськод? – Мон нуназе вази толлы. – Толпоостэс эскерисько, – Ачиз выльысь кошкиз шаплы* (Перевощиков, 16). 'Куда торопишься всегда? – Днем обратился к ветру я. – Испытываю ваши паруса, – и сам помчался снова вдаль?' *Мынам бország кылбылозы Вож нюлэсёс, чагыр толно...* (Чернова, 94). 'Вослед за мной останутся Зеленые леса, парус голубой...' *Тон мынам толное, Осконэ тон мынам* (Захаров, 103). 'Ты парус мой, Надежда моя'.

4. Об определенной освоенности рассмотренных слов – да и любых неологизмов вообще – современным литературным языком свидетельствуют не только частотность их употребления в устной и письменной речи, но еще и, как мне кажется, следующие факторы:

1) наличие новых производных, напр.:

к а н д е л е м 'свидетель': *канделемет* 'свидетельство, удостоверение чего-л.' (УРС 2008: 278) (с помощью словообразовательного суффикса *-эт*);

к а т 'закон': **катлык** 'законность' (суффикс -лык), **катлыко** 'законный' (посредством суффиксов -лык и -о), **катрадлык** офиц. 'законодательство' (с компонентом **радлык** 'порядок, строй, последовательность'), **кункат** 'конституция' (композиата подчинительного типа с первым компонентом **кун** - 'осударство, государственный');

т ђ л п о 'парус': **тѡлоѡ** 'с парусами, имеющий парус(а)' (посредством суффикса -(ѡ)о);

2) образование сложных слов сочинительного типа на базе синонимичных компонентов, напр.:

з а к о н - к а т 'закон': – *Тодыны потй: кулымтэ-а меда пєсятаелэн выныз? Перєсь туж узыр вал. **Законъя-катъя** ваньбурєз мыным луиз ке, кулытозям ик номыр сярєсь малпаськытєк улэме луоз* (Кырзась пєсьтєр, 51). '– Вышел осведомиться: не умер ли еще младший брат моего деда? Если по закону его имущество достанется мне, то до самой смерти смогу жить беззаботно'.

т ђ л п о - п а р у с: – *Кадис карын шуныт тѡл пєлля, дыр. Со сєзъ вѡлзя, вылды, чеберєсь **тѡлноосты-парусъєсты*** (Кырзась пєсьтєр, 37). 'В городе Кадисе возможно, теплый ветер дует. Он, наверно, смело развевает красивые паруса';

3) вступление неологизма в синонимические отношения с другими, семантически близкими к нему, словами в узком контексте (в одном предложении) – с целью устранения тавтологии, напр.:

к а н д е л е м и к ы л ѝ с ь - а д ѝ с ь: **Канделемын ветлон – ғылыт но шурдыт сюрєс: туннэ тон **кылысь-адзись**, ѡуказе – четлыкын нукись** (Афонин, 143). 'Пребывание в статусе свидетеля – скользкий и опасный путь: сегодня ты свидетель, завтра – сидящий за решеткой'. Так что *курикысь уд вольтчы, жоген кылдэ юалом **кылысь-адзисьєс** азын, **канделемъєс** кыре поттозы сьѡд малпанъєстэ* (Афонин, 135). 'Так что не выскользнешь с крючка, вскоре потребуем ответа перед свидетелями, свидетели выведут на чистую воду твои темные мысли'.

### Сокращения

**вост.-туркест.** – язык восточно-туркестанского письменного памятника; **казах.** – казахский язык; **карач.** – карачаевский язык; **тат.** – татарский язык; **чаг.** – чагатайский (староузбекский) язык; **чув.** – чувашский язык; **csuv.** – см. *чув.*; **tschuw.** – см. *чув.*; **wotj.** **S.** – сарапульский диалект удмуртского языка (по Азбука Сар.).

## Источники и библиографический список

Азбука составленная изъ Российскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи. (По Сарапульскому). – Казань, 1847. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / УИИЯЛ УрО РАН. Сост. Л. М. Ившин, отв. за выпуск Л. Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). – С. 249–439.]

Архипов Т. А. Ортчеменыз пумиськон: Повесть. – Ижевск, 1971.

Афонин Е. Г. Ёырмурт: Тодэ ваёньёс. – Ижевск, 1999.

Байтеряков Н. С. *Жин азвесь крезьгурен: Кылбуръёс но поэмаос – Серебряная мелодия: Стихотворения и поэмы.* – Ижевск, 2003.

Бюллетень 1998 – Бюллетень № 1 / Республиканская термино-орфографическая комиссия по удмуртскому языку. – Ижевск, 1998.

Васильев Ф. И. Кылбуръёс / Люказ, поттыны дасяз, азыкыл, валэктонъёс гожтїз Алексей Ермолаев. – Ижевск, 1995.

Веретенников А. И. Чурай улосын: Повесть, веросьёс. – Ижевск, 1994.

Грязев Г. Г. Кирень куректон: Очеркъёс, повестьёс. Ижевск, 1996.

Дунай тулкымъёс – Кам ярдурын: Венгер литература сузьет. – Ижкар/Izsevszk, 1997.

Загребин Е. Е. Палэзъ ѓускиос: Веросьёс, повесть. – Ижевск, 1978.

Захаров П. М. Вож выж: Стихи поэмы, переводы. – Ижевск, 2001.

Красильников Г. Д. Тонэн кылысько. – Ижевск, 1960.

Кротов З. Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1995 (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарїею Кротовымъ, 1785 г.).

КУР/УЭК – Конституция Удмуртской Республики=Удмурт Элькунлэн Кункатэз. – Ижевск, 2007.

Кырзась песьгър: Дуннеысь калыкъёслэн выжыкылъёссы / Люказ берыктїз но ас сяменыз мадиз Г. Н. Баженова. – Ижевск, 2007.

Леонтьев А. К. Улом али: Кылбуръёс. – Ижевск, 2004.

Лямин М. А. Шудбур понна: Повесть: Нырысетї книга / 2-тї изд., тупатъямын. – Ижевск, 1961.

Перевощиков С. А. Эшъёсы – аръёсы: Кылбуръёс. – Ижевск, 2000.

Петров М. П. Вуж Мултан = Люкам сочинениос. 5-тї т.: Вуж Мултан. – Ижевск, 1959.

*Сабитов Ук.* – Сабитов Г. С. Улон – кырзан: Кылбурьёс. Устинов, 1985.

*Сабитов Яр.* – Сабитов Г. С. Яратъсько: Кылбурьёс но кырзанъёс. – Ижевск, 1975.

*Самсонов Е. В.* Зор бере: Веросьёс. – Ижевск, 1967.

*Священная Исторія* – Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завета. На Вотяцкомъ языкъ? / Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества. – Казань, 1877.

*Сочиненія 1775* – Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наук 1775 г. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск, 1975.

*ТРС 1966* – Татарско-русский словарь / АН СССР. Казан. ин-т ИЯЛ. – М., 1966.

*УКШГК 2002* – Удмурт кылын шонер гождяськонъя кыллюкам. Шонер гождяськон но пусъёс пуктылон правилоосын: 30 000 ёрос кылъёс но кыл сочетаниос / Ответств. редакторез И. В. Тараканов; РНА. УрЛ. Ист., кылъя но лит. Удм. ин-т. – Ижевск, 2002.

*УРС 1983* – Удмуртско-русский словарь: Ок. 35 000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; Под ред. В. М. Вахрушева; НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – М., 1983.

*УРС 2008* – Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 2008.

*Чернова Т. Н.* Та шундыё дуннеямы: Кылбурьёс. – Устинов, 1986.

*Gr. 1775* – см.: *Сочиненія 1775*.

*Munk.* – Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Budapest, 1896.

*Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk-sprachen (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVII,1). – Helsinki, 1969.

*UMSz.* – Kozmács Istvan. Udmurt-magyar szótár. – Szombathely, 2002.

*USS* – S. Maksimov, V. Danilov, S. Saarinen. Udmurttilais-suomalainen sanakirja / Удмурт кун ун-т. Кылтодон картографирования лаборатория. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja. – Turku, 2008.

*Vnyt.* – Munkácsi B. Votják nyelvtanulmányok // NyK. 1884. 18. 35–155, 428–447 old.

Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. – Helsingfors, 1903.

Wied. – Wiedemann F. J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhang und einem deutschen Register. St.-Petersburg, 1880.

Л. Е. Кириллова (Ижевск)

## **О некоторых исторических изменениях в микропонимии Удмуртии**

Как известно, географические названия всегда связаны с обществом. Географическая среда, являющаяся базой, на которой развивается культура народа во всех ее разновидностях – материальной, социальной и духовной – получает яркое отражение в топонимах и микропонимах. В них содержится характеристика растительного и животного мира в разные периоды, отражается рельеф края, различные события и связанные с ними имена людей.

Исторические изменения в топонимии, особенно в ойконимии, можно выявить путем сравнения названий, функционирующих в настоящее время, с названиями, употреблявшимися в прошлом, что зафиксировано в письменных памятниках различного типа (в материалах проведенных в разное время переписей, в дневниках или путевых заметках исследователей, в работах по выявлению этнографического материала и устного народного творчества и т. д.). Изучение же исторических изменений в микропонимии гораздо сложнее, поскольку микропонимы, за исключением, пожалуй, названий рек, в большинстве своем не зафиксированы. Есть отдельные наименования в работах венгерского ученого Б. Мункачи «Votják népköltészeti hagyományok» (Munkacsı 1887: 194–195) и «Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken» (Munkacsı 1952: 513–519, 522–534). Определенный интерес в этом плане представляют работы первого ученого-удмурта Г. Е. Верещагина. В его книгах «Вотяки Сосновского края» (СПб., 1886) и «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии» (СПб., 1889) упоминаются названия рек и речек, впадающих в Чепцу, а также названия рек и селений Сарапульского уезда. Большую ценность представляет книга «Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда» (Вятка, 1895). В ней впервые в истории